

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИСПРОПОРЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2019 г. Н. В. Чугунова*, Н. В. Лихневская

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

*e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 28.04.2017 г.; после доработки 23.12.2018 г.; принята в печать 24.01.2019 г.

В статье рассматриваются пространственные различия в уровне жизни населения в региональном измерении – в пределах Белгородской области; этот субъект РФ, как и все остальные, испытывает влияние проводимых федеральных реформ в социально-экономической сфере. Определены подходы к анализу уровня жизни населения и установлены основные его показатели; проведено исследование, в том числе с широким использованием методов ГИС-технологий, внутрирегиональной дифференциации компонентов уровня жизни населения. Покомпонентное исследование показало, что глубина диспропорций между муниципалитетами особенно велика в социальных и социально-экономических показателях, что отражает сокращение числа предприятий социальной сферы и численности занятого населения в сельской местности. Выявлена роль агрохолдингов в изменении показателей уровня жизни сельского населения и развитии сельского расселения. Итогом исследования стала типология муниципальных районов и городских округов по уровню социально-экономического развития на основе синтетического показателя уровня жизни населения, выявившего глубокие внутрирегиональные диспропорции. Установлено, что высокий уровень развития характерен лишь для областного центра.

Ключевые слова: уровень жизни, муниципальные образования, показатели, социально-экономическое развитие, дифференциация.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019328-40>

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В России накопилось множество проблем и противоречий в социально-экономической сфере, сдерживающих формирование и построение социального государства – демократического общества, провозгласившего высшей ценностью человека (Конституция РФ); создающего условия для обеспечения достойной жизни, соответствующей стандартам современного развитого общества.

Внутри субъектов Федерации уровень и условия жизни населения, социально-экономическое развитие существенно различаются по районам. Региональные механизмы управления социально-экономическим развитием муниципалитетов не учитывают специфику возникших различий. Необходим поиск новых форм и методов оценки различий в уровне социально-экономического развития муниципальных образований, условий жизнедеятельности их населения. Для оценки социально-экономических различий можно использовать индикатор “уровень жизни” населения.

Поиском показателей уровня жизни населения занимаются исследователи разных стран, секции народонаселения ООН. До середины XX в. условия жизни населения оценивались преимущественно по экономическим показателям. В 1961 г. рабочая группа ООН впервые разработала принципы определения и измерения уровня жизни в международном масштабе с использованием иных показателей. Они были изложены в монографии шведских ученых, предлагавших оценивать уровень жизни населения по девяти основным компонентам, включавшим социальные, экономические и средовые показатели [13].

Анализ научных публикаций, посвященных изучению уровня жизни населения как в России, так и за рубежом показывает, что у исследователей возникают сложности в установлении подхода к категории “уровень жизни населения”, так как в качестве основного показателя может выступать: уровень развития производства, потребление, доходы, стоимость жизни, потребительские нормативы и стандарты. Крайне ред-

ко используется комплексный, многоаспектный подход. В России и в разработках международных организаций основным подходом к определению уровня жизни и последующего его анализа служит оценка потребления [5] и совокупность характеристик потребления [8], но данный подход, по мнению зарубежных исследователей, имеет существенный недостаток – не учитывает размера теневой экономики [27].

Приоритетность подхода, учитывающего уровень потребления при оценке уровня жизни, признается многими отечественными исследователями. Н.М. Римашевская – ведущий специалист в области изучения уровня жизни населения, отмечала, что эту категорию отражает совокупность реальных условий и характеристик населения в сфере потребления [18]. Некоторые исследователи отталкиваются при оценке уровня жизни от достигнутого уровня доходов и потребления материальных благ и услуг [10], но считают, что у этой методики есть существенный недостаток: она не позволяет учитывать возможности человека, однако не поясняют, что имеется в виду под “возможностями человека”.

Авторы монографии “Уровень жизни населения” [8] считают, что уровень и структура потребления – прямые и непосредственные показатели жизненного уровня населения, но для определения данного понятия необходим комплексный интегрирующий подход. Они полагают, что “уровень жизни следует рассматривать как степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, достигнутую за счет создаваемых экономических и материальных условий и возможностей, реализуемую через потребление и определяемую прежде всего соотношением уровня доходов и стоимости жизни” [8, с. 19]. По нашему мнению, в данной формулировке недостаточно внимания уделено социальной составляющей и предложенный подход недооценивает уровень жизни населения как социально-экономическую категорию. Рассматривая уровень жизни населения как конечный индикатор оценки уровня социально-экономического развития региона, мы считаем, что наиболее точно суть данной категории передает определение “уровень благосостояния населения, потребления благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей” [22, с. 9].

Краткий обзор методологии оценки уровня жизни населения показывает, что она остается несовершенной и интегральный показатель пока не найден. Мы считаем, что подход к уровню жизни населения как социально-экономической категории к его показателям должен быть широким, многоаспектным и учитывать уровень

жизни не отдельного человека, а территориальной общности людей – региона, муниципалитета. Поэтому под уровнем жизни населения понимаем совокупность условий жизни, труда и быта людей в конкретной среде обитания, достигнутую в данном обществе степень удовлетворения населением разнообразных потребностей – физических, экономических, социальных, интеллектуальных. Условия жизни населения проявляются в конкретной региональной социально-экономической ситуации, поэтому оценки в аккумулятивном виде должны складываться из демографических, социальных, социально-экономических, экономических, средовых показателей. Основываться они должны на данных официальной статистики (при всем ее несовершенстве).

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) и ее территориальные органы к уровню жизни населения обычно относят пять крупных показателей (потребление домашних хозяйств, доходы населения, расходы, сбережения и имущество населения, жилищные условия), которые дают лишь общую картину жизни населения в стране, ее субъектах. Система предлагаемых показателей далека от совершенства, она неполная, вызывающая, к сожалению, сомнения в достоверности части показателей (измеряющих доходы, в частности). Например, в блоке “Денежные доходы населения” центральное место занимает индикатор “Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата”. Но средняя зарплата дает искаженную картину, и более объективным показателем может быть не средняя, а медианная зарплата, которую Росстат не рассчитывает. Россия – единственная страна с крупной экономикой, в которой Федеральная служба государственной статистики не публикует данные о величине налогов разных групп населения. По независимым оценкам, 10% самых богатых граждан страны владеют половиной национального богатства, но платят только 5–8% от общих налогов [7]. Тем не менее вынужденное использование официальной статистики позволяет избежать ошибок субъективного суждения, предвзятости в оценке уровня жизни населения, унифицировать показатели в сравнительном анализе муниципальных образований и регионов.

Объект нашего исследования – Белгородская область с населением в 1.6 млн человек; муниципальная структура включает 19 муниципальных районов, 3 городских округа, 25 городских и 264 сельских поселений.

В Российской Федерации Белгородская область – экономически развитый регион, в рейтинге социально-экономического положения субъектов РФ 2017 г., проведенном компани-

ей Credinform [19], область заняла 15-е место. Проведенный нами анализ полученных компаний результатов показал, что из 18 индикаторов только два – демографические, остальные – экономические, социальные же – не представлены. Подход к оценке уровня социально-экономического развития по экономическим показателям, без учета социальной сферы односторонен, поскольку уровень жизни может быть относительно низким и при высоких экономических показателях [21]. Кроме того, общая оценка затушевывает внутренние контрасты между муниципалитетами.

Основные задачи работы состоят в определении подхода к оценке уровня жизни населения и его показателей, выявлении внутрирегиональной дифференциации характеристик уровня жизни населения, установлении диспропорций в уровнях социально-экономического развития муниципалитетов Белгородской области.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Информационной базой послужили материалы официальной статистики. Анализ осуществлен с использованием комплексного интегрального подхода к уровню жизни населения с применением сравнительно-географического,

статистического методов и геоинформационного картографирования. Основным фактором дифференциации уровня жизни населения мы считали степень социально-экономического развития общества, проявляющуюся через демографические, социальные, социально-экономические показатели, условия жизни населения (среды проживания).

Для оценки уровня жизни населения и социально-экономического развития Белгородской области мы использовали методики [4, 8, 13, 22] и предложения по совершенствованию оценки уровня жизни населения [17], давшие возможность агрегировать исходные статистические данные (стандартизированные относительно среднего значения), сформировать блоки и перечень показателей, отражающих различные стороны жизни населения и социально-экономического развития территорий муниципалитетов (табл. 1).

Этапы проведенного исследования: 1) стандартизация значений (по отношению к средним) по всей совокупности показателей изучаемых муниципальных районов (19) и городских округов (3); 2) расчеты интегральных показателей в интервале от 0 до 1; 3) определение интервальных шкал по каждому из блоков R_1 – R_5 ; 4) на основе полученных результатов составлены

Таблица 1. Перечень и блоки показателей для расчета уровня жизни населения и социально-экономического развития территории

Блок показателей	Показатель
R_1 Демография	1. Коэффициент рождаемости, на 1000 человек 2. Коэффициент смертности, на 1000 человек 3. Миграционный прирост (+), убыль (–), на 1000 человек 4. Плотность населения, чел/км ² 5. Коэффициент нагрузки на трудоспособное население, %
R_2 Социальные условия	1. Число браков на 1000 человек 2. Число разводов на 1000 человек 3. Число дошкольных образовательных организаций 4. Число организаций культурно-досугового типа 5. Число общеобразовательных организаций
R_3 Социально-экономические условия	1. Оборот розничной торговли (без субъектов малого предпринимательства) на одного жителя, тыс. руб. 2. Численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, чел. 3. Покупательная способность среднемесячной номинальной начисленной заработной платы (отношение к величине прожиточного минимума, %) 4. Число амбулаторно-поликлинических организаций
R_4 Экономика	1. Общий объем всех продовольственных товаров, реализованных в границах муниципального образования на 1 жителя, тыс. руб. 2. Объем сельскохозяйственной продукции на 1 жителя, тыс. руб. 3. Объем инвестиций в основной капитал на 1 жителя, тыс. руб.
R_5 Благоустройство и окружающая среда	1. Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. т 2. Общая площадь жилых помещений в ветхих и аварийных жилых домах, тыс. м ² . Число проживающих в ветхих и аварийных жилых домах, человек 3. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м ²

тематические и итоговая (по синтетическому показателю уровня социально-экономического развития муниципалитетов Белгородской области) картосхемы, сделаны соответствующие выводы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Демографические показатели R_1

Выявленные различия в уровне жизни населения по демографическим показателям в муниципальных образованиях области отражает рис. 1. В типологии преобладают три уровня развития: высокий, выше среднего, средний. В категориях “ниже среднего” и “низкий” – всего по одному району на юго-востоке и востоке области. Районы с уровнем жизни “выше среднего” и “средний” составляют основное ядро демографического блока.

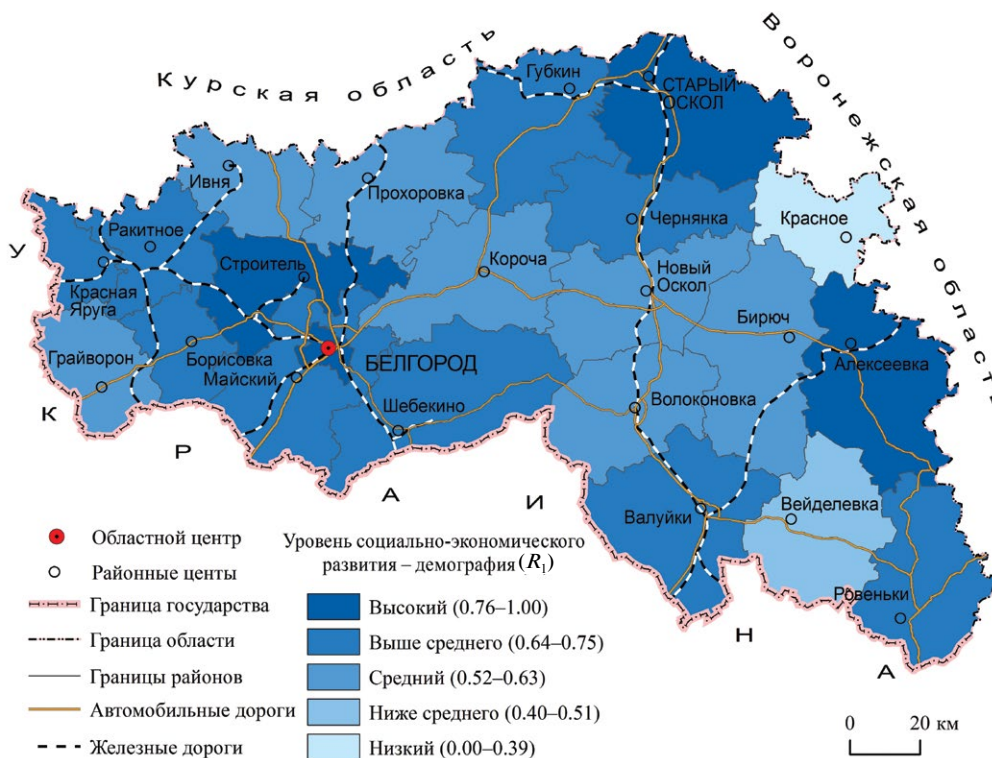
Высокий уровень жизни населения характерен для четырех муниципалитетов: г. Белгорода, Старооскольского городского округа и пригородного в Белгородской агломерации Яковлевского района, а на периферии области – Алексеевского района. В названных районах высокие показатели получены за счет городов в их составе.

Сложившаяся демографическая ситуация отражает результаты миграционного притока переселенцев из республик бывшего СССР

в 1990-х годах и так называемых “северян” из западного миграционного дрейфа в первое десятилетие XXI в. Мигранты обеих волн предпочитали селиться в больших городах – Старом Осколе, Белгороде, их пригородах, а также в Губкине, Алексеевке. Аналогичная ситуация с 2014 г. сложилась в приграничных с Украиной районах, принимавших беженцев из Донецкой и Луганской областей. Позитивное для демографической ситуации эхо миграций 1990-х годов и начала этого столетия прослеживается и в настоящее время.

Второй, не менее важной, причиной высокого уровня демографических показателей больших городов и пригородов является их притягательность для населения (и бизнеса), обусловившая центростремительные миграционные потоки с периферии области. В российских условиях крупные города обладают гораздо большими возможностями для высоких доходов и самореализации населения [15].

Сложная ситуация сложилась в Красненском районе (тип – низкий уровень), находящемся на периферии области, как результат моноспециализации на сельском хозяйстве, долговременного отрицательного сальдо миграции, самого высокого в области коэффициента смертности (23.5 промилле [16]). Закономерным следствием

Рис. 1. Интегральный показатель социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области по блоку “Демография”.

Составлено по: [2, 16].

этих процессов стала деформированная возрастная структура населения, его старение. В районе низкая (для области) плотность населения (14.1 чел./км²), пока не критичная для ведения коллективного сельского хозяйства, но приводящая к разреженности инфраструктуры [11], что отражается на низких показателях социального, социально-экономического и экономического блоков. В Вейделевском районе (тип – ниже среднего) демографическая ситуация незначительно отличается от Красненского.

Социальные показатели R_2

Демографические показатели оказали определенное воздействие на социальное развитие муниципалитетов, но решающая роль принадлежит иным факторам. Различия в уровне жизни населения по социальным показателям в муниципальных образованиях области отражены на рис. 2.

Высокие показатели социального блока характерны для Белгорода – 0.78, что вполне закономерно для областного центра, в котором коэффициент брачности выше, чем в других муниципалитетах из-за молодой структуры населения, несмотря на общую тенденцию снижения заключаемых браков. Социальный блок

отражает концентрацию дошкольных и общеобразовательных организаций в Белгороде: здесь сосредоточено 16% детских садов области и 25% мест в них; 9% школ и 24% учеников [16]. Относительно благополучная (выше среднего) ситуация в Старооскольском и Губкинском городских округах, а также в г. Алексеевка определяется теми же причинами.

Сложная ситуация в 10 из 22 муниципальных образований области – в них социальные условия относятся к категориям “ниже средней” и “низкая” из-за малого числа заключенных браков, высокой разводимости и низкой обеспеченности населения учреждениями социальной сферы. Низкая брачность вызвана деформированной возрастной структурой населения вследствие миграционного оттока молодежи из сельских районов. Вторую причину мы видим в проникновении процессов глобализации – универсализации стандартов жизни, норм поведения, разрушении привычного образа жизни. По мнению ряда авторитетных специалистов, на смену классическому институту семьи (“золотого века законного брака”) приходят свободные союзы и разные формы совместной жизни, сожительства теснят традиционный брак [9]. С 2013 по 2016 г. в Белгородской области

Рис. 2. Интегральный показатель социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области по блоку “Социальные условия”.

Составлено по: [16].

количество заключенных браков на 1000 человек уменьшилось с 8.7 до 6.1 (на 30%) [16].

Главная же причина низкого уровня социальных условий жизни населения районов Белгородской области состоит в исходящих из федерального центра рекомендациях “оптимизации” местных бюджетов в сфере образования и культуры, в результате которых закрываются малокомплектные школы и клубы в сельских населенных пунктах. В начале XXI в. в сети социальных учреждений произошли радикальные количественные изменения: по данным Белгородстата, в 2001/2002 учебном году в области работали 809 школ, в 2015/2016 г. – только 573. В Вейделевском районе их число сократилось с 35 до 16, Красненском – с 22 до 10, Прохоровском – с 31 до 22 [2, 16]. Вероятным результатом подобных “реформ” станет дальнейшее “сжатие–стягивание” [23, с. 167] пространства, концентрация и одновременно сокращение обжитых, экономически активных территорий, созданных трудом многих поколений.

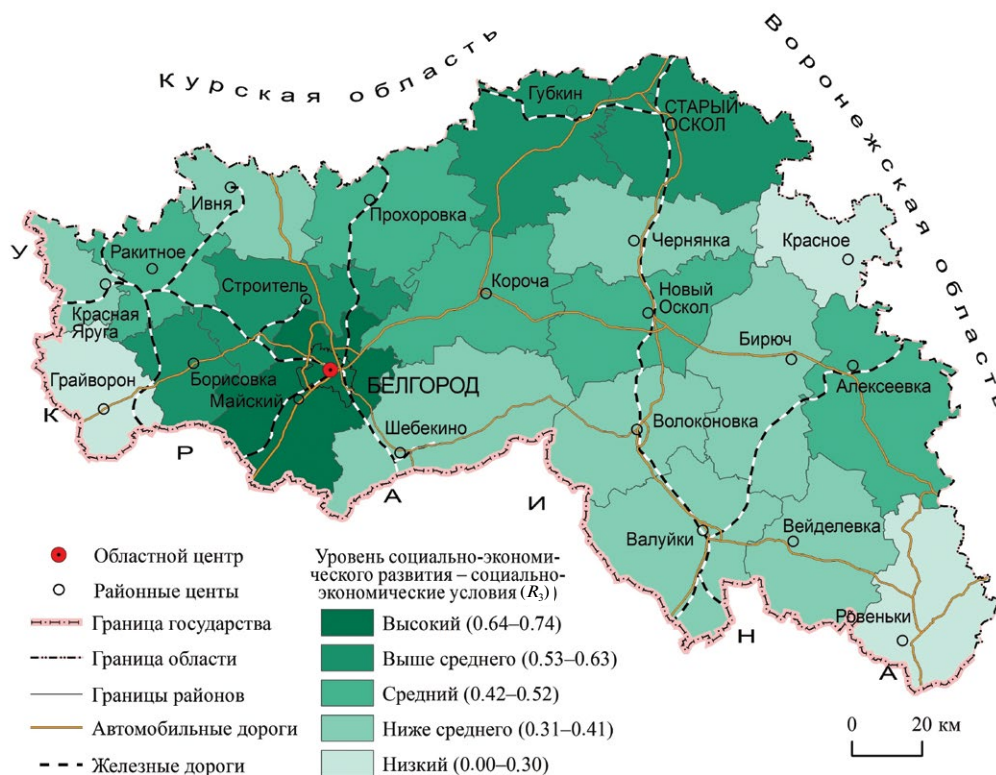
Социально-экономические показатели R_3

Негативные последствия плохо просчитанных реформ в стране отражаются и на состоянии социально-экономического блока показателей.

Анализ выявил значительную дифференциацию в уровне жизни населения по обороту розничной торговли, числу безработных между горожанами и сельскими жителями, покупательной способности населения, возможностях лечиться. Число амбулаторно-поликлинических организаций сократилось в ряде районов с 2012 по 2016 г. от двух до двенадцати раз [16]. Внутрорегиональные различия в уровне социально-экономического развития муниципальных образований области по блоку R_3 отражены на рис. 3.

Картограмма свидетельствует о высокой концентрации услуг и доходов населения – “локационном стягивании” [23, с. 174] – в/около городских округов Белгорода, Старого Оскола, Губкина, Алексеевки на фоне проявления элементов социально-экономического опустынивания в районах юго-востока и востока области.

Самый низкий уровень развития характерен для Красненского и приграничных с Украиной районов (за исключением Белгородского и Борисовского). Рост барьерных функций границы отражается на обороте розничной торговли, отсутствии новых рабочих мест и, соответственно, числе безработных. Покупательная способность, как и среднемесячная номинальная заработная плата, в этой группе районов

Рис. 3. Интегральный показатель социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области по блоку “Социально-экономические условия”.

Составлено по: [16].

самая низкая, поскольку в основе территориального разделения труда здесь лежат аграрно-промышленные отрасли с их низкими зарплатами (за исключением топ-менеджеров). Определенное влияние на уровень безработицы и занятость населения, особенно молодого, имеет престижность труда. Низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве, тяжелые условия работы, ее сезонность, неразвитость социальной инфраструктуры определяют аграрный сектор для молодежи как непривлекательный. Подтверждают наши выводы и исследования зарубежных ученых, свидетельствующие о том, что технический прогресс последних десятилетий привел к дискредитации физического труда, а формирующееся “глобальное общество изменило основы традиционного образа жизни, где бы мы ни находились” [6, с. 35].

На уровень жизни сельского населения (33% жителей области) значительное влияние оказали преобразования в сельском хозяйстве начала XXI в. — проникновение в Белгородскую область федеральных и создание региональных агрохолдингов в ущерб интересам хозяйств населения и фермерства. Проводимая экономическая политика привела к монопольному положению агрохолдингов (сельскохозяйственных организаций по Росстату, по нашему же мнению — отечественных латифундий), которые в 2016 г. произвели 87% всей продукции сельского хозяйства и 98.7% продукции животноводства [2, с. 139] (ГК “Мираторг”, ООО ГК “Агро-Белогорье”, ОАО “Белгородский бекон” и др.), и способствовала тому, что они стали ведущей сельскохозяйственной институцией в регионе, а крестьянские и фермерские хозяйства стали неконкурентоспособными. В 2014 г. агрохолдинги получили 92% всех субсидий, выделяемых через Минсельхоз РФ на развитие и поддержку сельского хозяйства в России [3], в то время как небольшие и средние хозяйства остались практически без государственной поддержки. Надежды на то, что агрохолдинги будут поддерживать социальную сферу села, не обоснованы, поскольку бизнес не может быть социально ориентированным, пока он законодательно не обложен обременениями (сервитутами) [26].

В личных подсобных хозяйствах население Белгородской области традиционно выращивало свиней для собственного потребления и продажи. С приходом в животноводство агрохолдингов производство свинины в хозяйствах населения полностью ликвидировано: в 2013 г. в связи с африканской чумой свиней домашние свиньи были уничтожены, и крупные сельскохозяйственные предприятия производят 100% свинины области [2]. Мнение, что “личное подсобное хозяйство нацелено на простое вы-

живание с небольшой товарной составляющей” [14, с. 7], соответствует современной ситуации в Белгородской области. Это негативно отражается на доходах населения — сложно повысить уровень жизни, занимаясь личным подворьем в сложившихся условиях.

Достижения НТР, использование агрохолдингами индустриальных способов производства, “экономии на масштабе” приводят к закономерному сокращению численности занятых в сельском хозяйстве и напряженности на рынках труда населенных пунктов. В сельском хозяйстве (по рубрикатору статборников сельское хозяйство неотделимо от охоты и рыболовства) занятость сократилась с 24% в 2000 г. до 18% в 2016 г. [2], что в условиях слабой диверсификации экономики в сельской местности способствовало росту реальной безработицы.

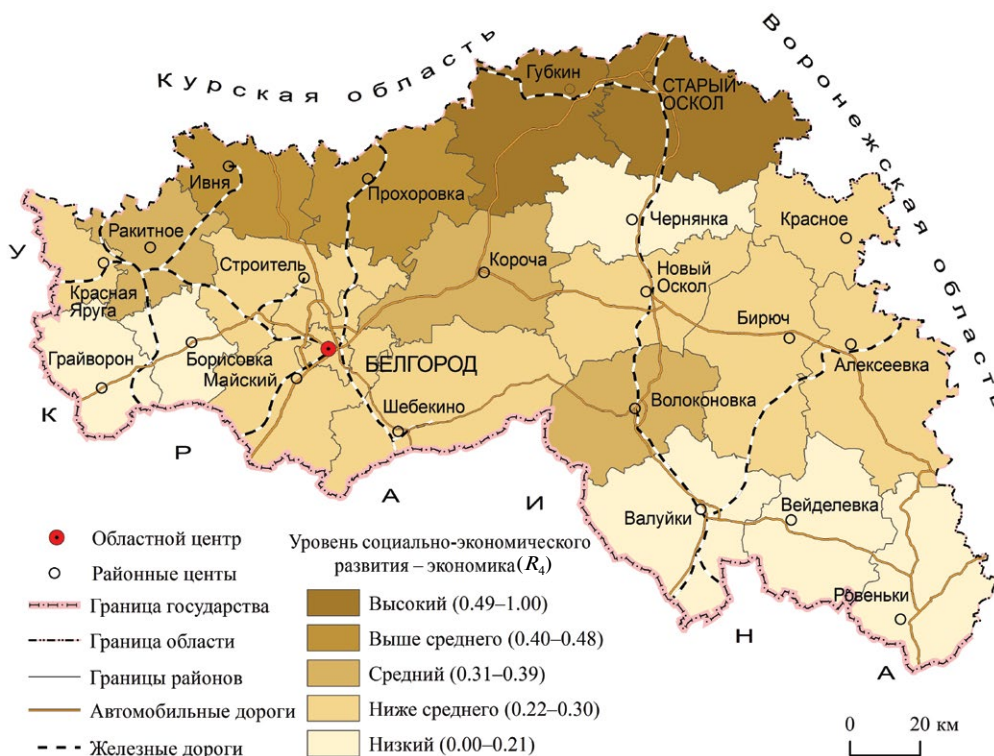
Пригородные районы Белгорода, Старого Оскола, Губкина, Алексеевки оказались в лучшей ситуации в результате развития маятниковой миграции, возможностей работать в данных городах. В восточной периферии области занятость сельских жителей находится на недопустимо низком уровне: расчеты по методологии МОТ показали, что численность работающих (без малого предпринимательства) составляет от 18% в Волоконовском до 25% в Валуйском районах (рассчитано по [16]), вынуждая самое мобильное, трудоспособное население уходить в отходничество или уезжать из села, приводя к старению населения (в Волоконовском районе доля пенсионеров составляет 36%, Валуйском — 34% населения), дефициту высокопрофессиональных специалистов.

Дифференциация условий жизни населения области нашла свое отображение и в следующем блоке — по экономическим показателям.

Экономика R_4

Интегральный показатель социально-экономического положения населения в муниципальных образованиях по блоку “экономика” представлен на рис. 4.

Анализ показателей выявил закономерно высокий объем реализованных продовольственных товаров в областном центре и в центрах черной металлургии (городах Старый Оскол, Губкин с их высокими зарплатами) и минимальный на периферии области как отражение покупательной способности населения, его доходов. Изучение структуры расходов населения свидетельствует о высокой доле трат на продовольственные товары — 33% бюджета [2], что по законам Э. Энгеля свидетельствует о бедности населения, недостаточности средств на лечение, образование, отдых и улучшение жилищных условий. В 2015 г. 14.1% населения области имели доход до 10 тыс. руб.

Рис. 4. Интегральный показатель социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области по блоку “Экономика”.

Составлено по: [16].

в месяц, т.е. ниже прожиточного минимума, либо на грани малообеспеченности; 16.4% населения жили на доход от 10 до 15 тыс. руб. [2]. Полная семья с двумя детьми, получающая в среднем 25.5 тыс. руб. [2], находится на грани выживания, поскольку прожиточный минимум в четвертом квартале 2016 г. в области составил 8099 руб., минимальный же размер оплаты труда (МРОТ) по Белгородской области в 2016 г. составлял 8694 руб. Условия жизнедеятельности населения Белгородской области – отражение жизни населения России, “богатой страны бедного населения” [20, с. 33], с высокой имущественной поляризацией, коэффициентом дифференциации доходов в 16 раз по РФ и 13 раз в Белгородской области [2]. Отметим, что в расчеты коэффициента не включены маргинальные слои (7–10% населения) и доходы сверхбогатых россиян (5%). По экспертным оценкам, с учетом скрытых, замаскированных доходов реальный разрыв между этими группами населения превышает 30-кратную величину.

По показателю объема сельскохозяйственной продукции на одного жителя в Белгородской области в результате организации крупных сельскохозяйственных организаций (агрохолдингов) приходится 150 тыс. руб. [2]. Это первое место

среди областей Центрально-Черноземного района, однако слабо отражающееся на уровне доходов населения.

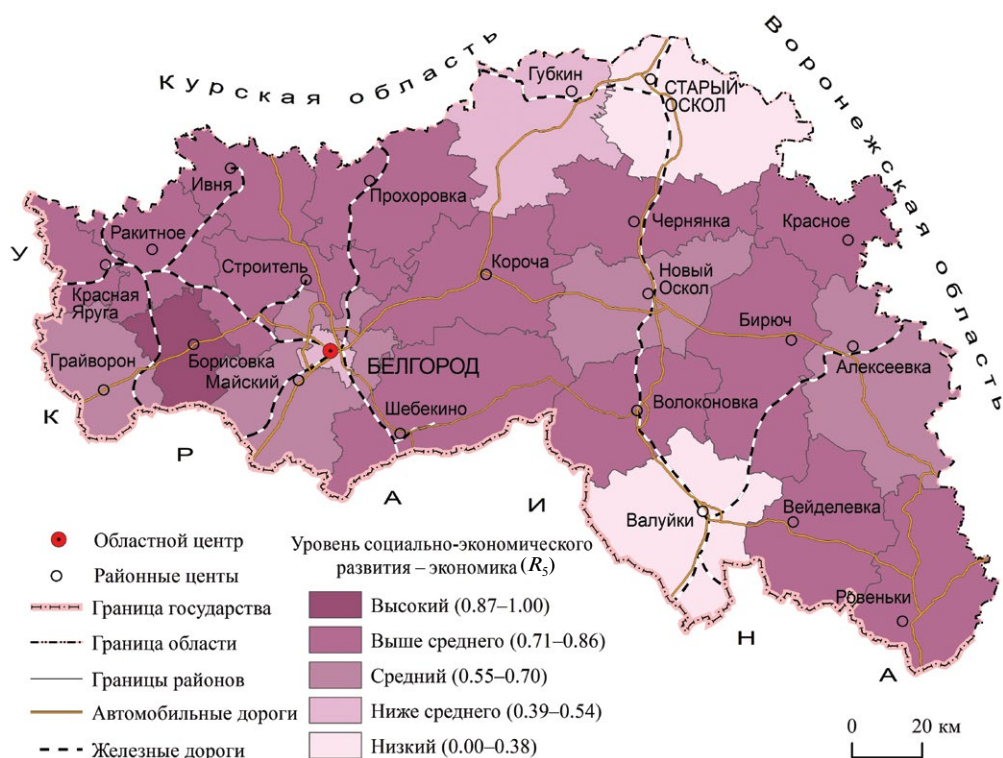
Объем инвестиций в основной капитал глубоко дифференцирован и обусловлен вложениями в черную металлургию (Губкин и Старый Оскол) и в областной центр (Белгород), на которых приходится 63%. Кроме городских округов высокими показателями инвестиций выделяются небольшие по численности населения муниципалитеты, в которых агрохолдингами вложены ресурсы в АПК (Ивнянский, Корочанский, Прохоровский районы).

Благоустройство и окружающая среда R_5

Интегральный показатель социально-экономического положения населения в муниципальных образованиях по блоку “Благоустройство и окружающая среда” отражает рис. 5.

Анализ официальных статистических данных показал низкую долю ветхого, аварийного жилья и преобладание благоприятной экологической ситуации. Детальное же изучение выбросов в атмосферу от стационарных источников выявило наличие в зонах прилегания к крупным животноводческим комплексам и птицефабрикам микроорганизмов, органических веществ, неприятного

Рис. 5. Интегральный показатель социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области по блоку “Благоустройство”.

Составлено по: [16].

запах [24], снижающих качество жизни населения. Изменение аграрного профиля Белгородской области привело к воздействию животноводства и земледелия на природные компоненты и комплексы: чем успешнее развивается региональное сельское хозяйство, тем выше ресурсно-экологический диссонанс [12], значительнее экологически неблагоприятные изменения.

Высокие техногенные нагрузки испытывают территории городских округов Старого Оскола, Губкина, Яковлевского муниципального района в результате добычи, переработки железной руды и выплавки черных металлов. Окружающая среда города Белгород загрязняется предприятиями строительного комплекса, автотранспортом. Наши предыдущие исследования [25] показали опасность возникновения в городских округах области экологически обусловленных заболеваний населения.

Показатель “общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя” существенно отличается по муниципалитетам области. Самой высокой обеспеченностью жильем выделяется Белгородский район – 49.3 кв. м/чел. с динамикой роста в 45% (с 2011 г.) [2]. Это результаты развития классической субурбанизации [28] на территории Белгородской агломе-

рации, строительства и разрастания коттеджных поселков, в которые переезжает формирующийся средний класс региона.

Типология муниципальных образований по уровню социально-экономического развития

Пространственные различия в уровне социально-экономического развития муниципальных образований отражает синтетический показатель (рис. 6). Результаты исследования позволяют говорить о наличии глубокой пространственной поляризации социально-экономического развития Белгородской области.

Высокий уровень социально-экономического развития, как и следовало ожидать из анализа интегральных блоков, присущ только областному центру – Белгороду; тип “выше среднего” – Старооскольскому городскому округу, тип “средний” – почти половине муниципалитетов области. Одна третья часть районов области относится к категории “ниже среднего” и около одной пятой – к категории “низкий”. Полученный результат – закономерное следствие низких показателей социального блока.

Тенденции развития социальной сферы на ближайшую перспективу очевидны. В области уже 291 заброшенный сельский населенный

Рис. 6. Синтетический показатель уровня социально-экономического развития муниципальных образований Белгородской области.

пункт, площади постселитебных территорий достигли 19.2 тыс. га [1]. В недалеком будущем возможно повторение старых ошибок “реконструкции” сельского расселения Белгородской области в 1970-х, начале 1980-х годов – интенсивная миграция сельских жителей в города, дефицит квалифицированных рабочих рук, появление новых “мертвых” деревень. В восточных районах области 36% населенных пунктов малы по размеру, в них живут преимущественно старые люди. С их уходом из жизни прорехи в хорошо освоенной части территории будут разрастаться.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Сложность и неоднозначность обсуждаемой проблемы обусловили поиск новых подходов и методов исследования дифференциации уровня жизни населения в изучении внутрирегиональных диспропорций социально-экономического развития. Выбранный комплексный подход позволил измерить уровень развития демографическими, социальными, социально-экономическими, экономическими показателями, средовыми условиями жизни населения, предоставившими возможность оценить внутрирегиональные со-

циально-экономические различия Белгородской области.

Анализ разработанных и рассчитанных авторами интегральных показателей для оценки уровня жизни населения выявил глубокие разрывы в условиях жизни населения между муниципальными образованиями Белгородской области. Стабильно высокий и выше среднего уровень жизни населения характерен лишь для Белгорода, Старооскольского и Губкинского городских округов и, в меньшей мере, города Алексеевка. В них благоприятная демографическая ситуация, развитая социальная сфера, низкий уровень безработицы, большой объем инвестиций в основной капитал, высокая покупательная способность и обеспеченность жильем. Это делает их привлекательными для населения, стимулируя миграцию населения в направлении село–город, и, в не меньшей степени, – для бизнеса.

Треть муниципалитетов области по показателям уровня жизни населения находятся на среднем уровне. Около половины муниципалитетов по комплексу показателей уровня жизни населения относятся к категориям “ниже средней” и “низкой”. Это сельские территории, в которых главные причины низкого уровня

развития – состояние социальной сферы и, как итог – социально-экономического развития.

Контрасты в жизни населения муниципальных образований нашли свое закономерное отражение во внутрорегиональных диспропорциях уровней социально-экономического развития. Развитые муниципалитеты – это г. Белгород и его противовес в системе расселения области – г. Старый Оскол (с г. Губкинским в составе двухъядерной агломерации). С определенной натяжкой к ним можно отнести город Алексеевка, что позволяет говорить о полицентрической структуре расселения Белгородской области.

Муниципальные образования со “средним” уровнем социально-экономического развития – северные, южные территории, пригородные зоны Белгородской, Старооскольско-Губкинской агломераций и Алексеевский район (сельское население) на востоке области. Тренды развития группы “средних” районов могут быть очень разными, в зависимости от направлений развития ядер экономической и общественной жизни. У населения пригородных районов перспективы социально-экономического положения благоприятнее в результате возможностей работать и получать услуги в городах.

К территориям с “низким” и “ниже среднего” уровнями развития относятся 45% районов (центральная часть, юго-восток и два района на западе области), которые вносят определенный диссонанс в высокий рейтинг [19] Белгородской области. Но не рейтинг региона важен для населения, а современные условия жизни в конкретном районе, населенном пункте. Консервация современного низкого уровня социально-экономического развития районов может ускорить селективную миграцию, ставя под сомнение инновационное развитие значительных по площади территорий области.

Системным процессом территориальной организации общества в депрессивных районах может выступить создание модели долгосрочного планируемого развития сельских территорий с учетом различий в уровне жизни населения. Необходимо определить ориентиры на ближайшие годы, по сферам, направлениям, муниципальным образованиям; на основе полученных данных создать модель и программы по реализации развития с доведением до всех участников разработанных положений.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-03-00092/ОГН.

FUNDING

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 17-03-00092/ОГН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артищев В.Е., Голушов П.В.* Постселитебные геосистемы Белгородской области: физико-географическая характеристика и перспективы экологической реабилитации // *Успехи современного естествознания*. 2016. № 11. Ч. 2. С. 334–338.
2. Белгородская область в цифрах / Крат. стат. сб. Белгород: Белгородстат, 2017. 272 с.
3. *Бабкин К.* Интервью информационно-аналитическому агентству НаканунеRU. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/111387/> (Дата обращения: 08.02.2016).
4. *Бестужев-Лада И.В.* Методические проблемы исследования качества, уровня и образа жизни // *Современные концепции уровня, качества и образа жизни*. М.: ИСИ АН СССР, 1978. С. 76–92.
5. *Бражников Г.В.* Дифференциация уровня и качества жизни народонаселения России // *Народонаселение*. 2006. № 4. С. 93–99.
6. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М. Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 104 с.
7. *Гурдин К.* Капитальная правда // *Аргументы недели*. № 34 (576) от 31.08.2017.
8. *Жеребин В.М., Романов А.Н.* Уровень жизни населения. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 592 с.
9. *Захаров С.В.* Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // *Отечественные записки*. 2005. № 3. С. 124–140.
10. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России в переходный период. Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М.: МГУ, 2003. 46 с.
11. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2016. № 5. С. 46–59.
12. *Клюев Н.Н.* Эколого-ресурсный диссонанс в сельском хозяйстве российских регионов: Материалы научн. конф. Курск, КГУ, 2017. С. 391–397.
13. *Леви Л., Андерсон Л.* Народонаселение, окружающая среда и качество жизни. М.: Экономика, 1979. 144 с.
14. *Нефедова Т.Г.* Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2012. № 3. С. 7–23.
15. *Нефедова Т.Г.* Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2015. № 3. С. 41–56.
16. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных районов и городских округов Белгородской области (2012–2016 гг.). Стат. сб. Белгород: Белгородстат, 2017. 280 с.
17. Предложения по совершенствованию Модельного набора социальных индикаторов для оценки уровня жизни населения (по материалам Статкомитета СНГ) // *Вопросы статистики*. 2003. № 7. С. 36–38.

18. Римащевская Н.М., Шевяков А.Ю., Кузнецова К.С. и др. Система экономико-математических моделей для анализа и прогноза уровня жизни / под ред. Н.П. Федоренко и Н.М. Римащевской. М.: Наука, 1986. 262 с.
19. Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: <http://www.credinform.ru/gu-Ru/herald/details/a9cee7f6184b> (Дата обращения: 13.01.2018).
20. Сдасюк Г.В. Н.Н. Баранский – основоположник отечественной экономической географии: развитие идей, предупреждение рисков региональной дезинтеграции России в XXI веке (к юбилею 135-летия со дня рождения Н.Н. Баранского) // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации российских географов-обществоведов. Ростов н/Д, 2016. № 5. С. 25–38.
21. Тикунов В.С., Черешня О.Ю. Индекс социального развития регионов Российской Федерации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 1. С. 19–24.
22. Тикунов А.В. Географические методы оценки развития стран и регионов // География и природные ресурсы. 2005. № 3. С. 3–12.
23. Трейвиш А.И. Сжатие социального геопространства: между реальностью и утопией // Проблемы географической реальности. IX Сократические чтения / Сб. докл. под ред. В.А. Шупера. М., 2012. С. 166–190.
24. Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Деловая Е.В., Игнатенко С.А. Особенности современного социально-экономического и экостического развития пригородной зоны агломерации // Проблемы регион. экол. 2012. № 2. С. 35–42.
25. Чугунова Н.В., Ситникова О.О. Качество демографического потенциала сельской местности как условие устойчивого развития региона в изменяющейся экологической ситуации (на материалах Белгородской области) // Научный диалог. 2014. № 1 (25): Естественные науки. С. 140–153.
26. Чуйков А. Нам ваша земля нужна без народа. Интервью с В.Л. Бабуриным // Аргументы недели. № 40 (582). 12.10.2017 г.
27. Шнайдер Ф., Энсте Д. Рост теневой экономики во всем мире. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/2/n2-18.shtml>.
28. Chugunova N.V., Polyakova T.A., Likhnevskaya N.V. The development of the urban settlement system in Belgorod oblast // Geogr. Nat. Res. 2013. V. 34. № 1. P. 55–60.
- interview with K. Babkin. Nakanune.RU. Available at: <http://www.nakanune.ru/articles/111387/> (accessed 08.02.2016).
4. Bestuzhev-Lada I.V. Methodical issues of studying the quality of life, standard of living and lifestyle. In *Sovremennye kontseptsii urovnya, kachestva i obrazazhizni* [Contemporary Concepts of Standard of Living, Life Quality and Lifestyle]. Moscow: Inst. Sotsiologicheskikh Issled. Akad. Nauk SSSR, 1978, pp. 76–92. (In Russ.).
5. Brazhnikov G.V. Differentiation in the standard of living and life quality of the Russian population. *Narodonaselenie*, 2006, no. 4, pp. 93–99. (In Russ.).
6. Giddens E. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. Taylor & Francis, 2003. 104 p.
7. Gurdin K. The capital truth. *Argumenty Nedeli*, no. 34(576). Available at: <http://argumenti.ru/economics/2017/08/547406> (accessed 31.08.2017).
8. Zherebin V.M., Romanov A.N. *Uroven' zhizni naseleniya* [The Population Standard of Living]. Moscow: JUNITI-DANA Publ., 2002. 592 p.
9. Zakharov S.V. Birth rate prospects in Russia: the second demographic transition. *Otechestvennye Zapiski*, 2005, no. 3, pp. 124–140. (In Russ.).
10. Zubarevich N.V. The social development of Russian regions during the transition period. *Extended Abstract of Doctoral (Geogr.) Dissertation*. Moscow: Moscow State Univ., 2003. 46 p.
11. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 332–343.
12. Klyuev N.N. The ecology and resource discord in the agriculture of Russian regions. In *Strategiya razvitiya prigranichnykh territorii: traditsii i innovatsii* [Strategy of the Border Regions Development: Traditions and Innovations]. Vardomskiy L.B., Popkova L.I., Madry C., Eds. Kursk: Kurskii Gos. Univ., 2017, pp. 391–397. (In Russ.).
13. Levi L., Anderson L. *Narodonaselenie, okruzhayushchaya sreda i kachestvo zhizni* [Population, Environment and Life Quality]. Moscow: Ekonomika Publ., 1979. 144 p.
14. Nefedova T.G. Major trends for changes in the socioeconomic space of rural Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2012, vol. 2, no. 1, pp. 41–54.
15. Nefedova T.G. Migration mobility of population and otkhodnichestvo in modern Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2015, vol. 5, no. 3, pp. 243–256.
16. *Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya munitsipal'nykh raionov i gorodskikh okrugov Belgorodskoi oblasti (2012–2016 gg.)*. [The Main Indices of Social and Economic Condition of Municipal and Urban Districts in Belgorod Region (2012–2016)]. Belgorod: Belgorodstat, 2017. 280 p.
17. Proposals to improve the pattern selection of social indicators for assessing the population standard of living (based on the materials of the CIS Statistics Committee). *Voprosy Statistiki*, 2003, no. 7, pp. 36–38. (In Russ.).
18. Rimashhevskaya N.M., Shevyakov A.Yu., Kuznetsova K.S., et al. *Sistema ekonomiko-matematicheskikh*

REFERENCES

1. Artishchev V.E., Goleusov P.V. Abandoned settlements of Belgorod region: geographical characteristics and perspectives of environmental rehabilitation. *Usp. Sovrem. Estestvoznaniya*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 334–338. (In Russ.).
2. *Belgorodskaya oblast' v tsifrakh. 2017. Krat. stat. sb.* [Belgorod Region in Figures. 2017. Brief Statistical Bulletin]. Belgorod: Belgorodstat, 2017. 272 p.
3. Rychkov E. We Have 1% of the Population Owns 90% of the Property. It Demotivates the Country. An

- modelei dlya analiza i prognoza urovnya zhizni* [The System of Economic and Mathematical Models for Analyzing and Forecasting the Standard of Living]. Fedorenko N.P., Rimashevskaya N.M., Eds. Moscow: Nauka Publ., 1986. 262 p.
19. The rating of social and economic development in the regions. Available at: <http://www.credinform.ru/Ru/Ru/herald/details/a9cee7f6184b> (accessed 13.01.2018).
  20. Sdasyuk G.V. N.N. Baransky as a pioneer of Russian economic geography: developing ideas, preventing risks of regional disintegration in Russia in the XXI century (for the 135th anniversary of N.N. Baransky). *Vestn. ARGO*, 2016, no. 5, pp. 25–38. (In Russ.).
  21. Tikunov V.S., Cheresnaya O.Yu. Social development index of regions of Russian Federation. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2016, no. 1, pp. 19–24. (In Russ.).
  22. Tikunov A.V. Geographic methods for assessing the level of development of countries and regions. *Geogr. Prir. Resur.*, 2005, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.).
  23. Treivish A.I. A compression of social geospace: between reality and utopia. In *Problemy geograficheskoi real'nosti. IX Sokraticheskie chteniya* [Problems of Geographic Reality. IX Socratic Readings]. Shuper V.A., Ed. Moscow, 2012, pp. 166–190. (In Russ.).
  24. Chugunova N.V., Polyakova T.A., Delovaya E.V., Ignatenko S.A. Features the socio-economic and ekistics developments of a residential suburb of agglomeration. *Probl. Reg. Ekol.*, 2012, no. 2, pp. 35–42. (In Russ.).
  25. Chugunova N.V., Sitnikova O.O. Quality of demographic potential of rural areas as factor for region sustainable development in changing ecological situation (on Belgorod Region materials). *Nauchnyi Dialog*, 2014, no. 1(25): *Estestvennye Nauki*, pp. 140–153. (In Russ.).
  26. Chuikov A. We need your land without people. Interview with V.L. Baburin. *Argumenty Nedeli*, no. 40 (582). Available at: <http://argumenti.ru/society/2017/10/552067> (accessed 12.10.2017).
  27. Schneider F., Enste D.H. The global rise of shadow economy. *Ekonomicheskaya Teor. Prestuplenii i Nakazanii*, 2000, no. 2, pp. 115–131. (In Russ.).
  28. Chugunova N.V., Polyakova T.A., Likhnevskaya N.V. The development of the urban settlement system in Belgorod oblast. *Geogr. Nat. Resour.*, 2013, vol. 34, no. 1, pp. 55–60.

Spatial Differentiation of Living Standards as a Mirror of Disproportions in Socioeconomic Development: a Case Study of Belgorod Oblast

N. V. Chugunova* and N. V. Likhnevskaya

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

*e-mail: Chugunova@bsu.edu.ru

Received April 28, 2017; revised December 23, 2018; accepted January 24, 2019

The article deals with spatial differences in living standards of the population on a regional scale – in Belgorod oblast, which is among the federal subjects implementing federal reforms in the socioeconomic sphere. Approaches to living standards have been determined, major indices of living standards have been identified. The study of intraregional differentiation of components of living standards of the population, including the extensive use of GIS techniques has been conducted. A component-based research of living standards shows that the extent of disproportions between municipalities is especially significant in respect to social and socioeconomic indicators, which reflects the reduction in the number of social enterprises and the number of employed people in rural areas. The role of agricultural holdings in the change of indicators of the living standards of the rural population and in the development of rural settlement pattern is revealed. The result of the study was the typology of municipal districts depending on the level of socioeconomic development, based on the synthetic index of the living standard, which revealed deep intraregional disproportions. The study has found that a high level of development is only typical for the regional center.

Keywords: living standard, municipalities, indicators, socioeconomic development, differentiation.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019328-40>